

КОСМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В марте прошлого года предпринял я поездку на Афон. Для тех, кто не знает — это полуостров в Греции, заселенный православными монахами. Вход женщинам туда запрещен. Обычно поездка начиналась с путешествия на пароме. Но в день нашего заезда разыгрался шторм, и выходом из ситуации стал микроавтобус, который наняли вскладчину. Компания собралась интернациональная: два японца, чех, молдаванин, англичанин и нас трое русских. Японцы не были христианами. Узнав историю о самурае, который, став православным, преподнес одной из чудотворных икон свой меч, они направлялись к иконе и мечу.

Мы, русские, сразу сошлись и почти все паломничество были вместе. Один был из Подмосковья, другой, вроде как, из Самары. Этот другой, представившийся Сергеем, — очень скромный молодой человек. Прекрасно владел английским и был настоящей палочкой-выручалочкой, когда договаривались о ночлеге. (Почти все греки хорошо говорят по-английски).

После десятидневного путешествия мы попрощались, обменявшись телефонами.

Прошло несколько месяцев. В декабре, на день Ангела, раздался звонок. Номер высветился очень интересный, начинался с цифр, говорящих о тысячах километров до звонившего. Впрочем, им я особого значения не придавал. Тихий голос в трубке сказал: «Здравствуйте! Я Сергей. Помните, мы с вами были на Афоне? Поздравляю с днем Ангела!» Ну и еще какие-то пожелания. Обрадовавшись звонку, поблагодарил и стандартно спросил: «Как сам?» Трубка ответила, что все в штатном режиме. Я улыбнулся, сказав: «Ну и хорошо», и попрощался с Сергеем.

Обычная история, обычное поздравление. При чем тут космическое? А вот при чем. Дней через десять в Интернете на сайте одного из храмов увидел фотографию Сергея и обомлел. Надпись под ней гласила: «Просим молитв за нашего прихожанина Сергея Рыжикова. Сегодня ровно полгода как он в космосе».

Звонок был из космоса! Я, конечно, несколько раз пытался перезвонить по номеру, что высветился. Но всякий раз барышня на английском языке извинялась и говорила, что это невозможно.

СЛУЧАЙ С АЛТАЙЦЕМ

По прошествии пяти с половиной лет служения в Онгудае меня перевели в село Троицкое. Сердце рвалось в горы, и иногда я навещал первый приход. В самый первый приезд случился курьез. Направляясь по центру села к храму, я услышал зычный призыв. Обернувшись, увидел алтайца, который с криками «Бачка! Бачка!» догонял меня. Раньше я его видел много раз, в основном в подпитом состоянии, вот и сегодня он приближался шаткой походкой.

— Привет, бачка! — начал диалог алтаец.

— Добрый день! — в ответ я.

— Выпей со мной, — сказал он, похлопывая ладонью по оттопырившемуся карману брюк.

Я немного опешил, но нашел, что сказать:

— Извини, я спешу, сейчас никак не могу.

— Какой-то ты не такой, вот до тебя был молодец, мы с ним под этим деревом постоянно пили, — проговорил алтаец, указывая пальцем на ближайший тополь.

Понимая, что меня принимают за вновь назначенного настоятеля, пытаюсь вставить слово, но алтаец продолжает разговор:

— Знаешь, как мы с ним дружили! Вот то-то! А как он меня крестил? Схватил за шиворот и в Урсул. У меня пузыри в разные стороны, дышать нечем, а он говорит: «Пока все грехи не исповедуешь, не отпущу!».

От такого рассказа я невольно улыбнулся, жаль было разочаровывать алтайца, но все же я сознался, что и есть тот самый, прежний, с которым он «пил», и который его «крестил».

Слезы умиления выступили на глазах этого простого человека. Со словами «Это ты!» он бросился с поцелуями и объятиями.

САМОУБИЙЦА

Первая машина, которую я приобрел в своей жизни, — жигули третьей модели. Символично то, что мы с ней оказались ровесниками. Денег особо не было, машину брал за десять тысяч в рассрочку, а колеса на ней почти все разные. Ну не в смысле, что одно от трактора, а другое от КАМАЗа, диаметр один, но вот рисунок протектора и фирма-изготовитель не совпадали. Купить сразу четыре колеса не получилось, покупал по одному, а рынок колес в горах в середине девяностых не был сильно развит.

Без машины как без рук, точнее без ног. Приписной приход в Усть-Кане находился в ста двадцати километрах. Туда я уезжал в пятницу вечером, ночевал, а к вечерней службе, в субботу, возвращался в свой храм. Поездки очень нравились: красивейшая природа, горный перевал, тайга, и все это в сопровождении хора братии Валаамской обители, звучавшего из магнитофона.

Благополучно поездки продолжались до первого снега. «Обуть» машину в зимнюю резину не было средств, ездил потихоньку, но все равно часто сносило с трассы. Движение в той стороне не очень сильное, поэтому обходилось без серьезных инцидентов. Ну, сойдем на повороте в кювет, потолкаем-потолкаем машину да и дальше в путь.

Однажды возвращался со службы один. Коротать время в дороге лучше с попутчиком, и, мне на радость, на выезде «голосовал» парень. В дороге мы разговорились. Молодой человек, видя, что я священник, начал диалог. Такие слова часто приходится слышать: работы, мол, нет, с семьей не ладится, девушка бросила, словом, заключил молодой человек, решил я жизнь окончить самоубийством. Все надоело, счастья нет, зачем дальше мучиться, и так далее. Я пытался вставить слово, но он перебивал, приводил какие-то доводы в пользу смерти.

Тут дорога пошла под уклон, который оканчивался поворотом. Чтобы сэкономить бензин, я переключился на «нейтральную», и машина просто катилась. Ночью шел снег, по обочинам лежали сугробы, на дороге гололед. За тархтением парня я не услышал, что машина заглохла. Была у нее порой такая «опция» —глохнуть на холостых оборотах. Заканчивая спуск и входя в поворот, включаю передачу. Как и полагается, задние колеса становятся колом. Машину резко развернуло, и мы задом наперед на скорости помчались прочь с трассы. Замелькали по бокам ветки, камни пару раз ударили по дну, мы подпрыгнули в своих сиденьях, и через секунду все закончилось. Машина наполовину была в сугробе, трасса — прямо перед нами.

Молодой человек сидел весь белый, словно снег за окном. «Ссстрашно умирать», — промолвил он. Я, как опытный пилот, который практически еженедельно совершал подобные полеты, начал успокаивать его, потом заставил толкать машину. Всю дорогу до своего поворота он молчал. О чем-то думал о своем, глядя на проплывающие горы. Прощаясь, я попросил: «Не думай больше о самоубийстве, жизнь прекрасна». Он ответил коротко: «Не буду».